

Бирюса! Бирюза! Она! Одна из красивейших рек Сибири... Сколько же о тебе написано песен и сложено стихов, но, видимо, не найдены ещё те слова, чтобы передать твою красоту, цвет твоей воды, игривость и изящество твоих перекатов и тайны неизведанных глубин. А коль непогода наступит, нахмурится, насупится многовековая тайга под проливным дождём или нудными осенними дождями, то ты и тогда излучаешь нежный васильковый цвет. И тянешь, рвёшь душу. А если солнце взойдёт, враз заголубеешь, заискришься... Если взглянуть на тебя в этот момент с перевала горного кряжа или с высоты птичьего полёта, то светишься ты вся лучезарно, нежно-голубым цветом. И дали люди, любя, тебе имя красивое, как ты сама,— Бирюза (Бирюса).

Игривая, непокорная, стремишься ты, свободная, по сибирской тайге навстречу к своей «сестре», такой же ненаглядной по красоте реке — Чуне, а встретившись и слившись воедино, вы даруете жизнь могучей реке Тасеева, которая несёт и отдаёт свои ласковые воды Ангаре, «старшей сестре» рек Чуны и Бирюсы.

Многократно красивее Ангара своих сестёр, но, в угоду своим интересам, сгубили её люди... Не стало той красавицы Ангары, какой была она прежде... И не вернуть ту вековую невероятную красоту на сибирскую землю. Жаль, очень жаль... Природа, её красота в жизни имеет цену выше, чем киловатты электроэнергии от Богучанской ГЭС...

А Бирюса, как и встарь, несёт свои васильковые воды, отражая в себе голубизну бездонного неба и настоящую зелень многовековой тайги, чередуясь с прибрежными скалистыми и песчаными берегами. А песок?.. Песок — не чета хвалёным курортным пескам. Чистый, мелкозернистый, который тянется вдоль лазурной воды на сотни метров, а в округе нет никого, только тайга, голубое небо и отражённая ото дна реки васильковая вода. И ни к чему эти иностранные курорты, всё там чужое, а здесь ещё не ступала нога человека и мелкозернистый песок — как просеянный. И если это всё сбережь, то нашим потомкам хватит на века.

А вечером, на закате, когда солнце коснётся вершин могучих кедров и зацепится краем за выступ скалы, взрывается вода на реке от всплесков рыб, и кажется, что она кипит... Хвойный запах настоящего леса и таёжных трав, шёлковая летняя вода светло-синего окраса завораживают и манят вдаль, к неприступным молчаливым скалам с их многовековыми тайнами...

Мало кто сюда добирается, а если уж дошёл, то душой прикипает к этим местам навсегда. Ведь недаром эти места облюбовали для своего проживания староверы, которые, пройдя Дальний Восток и пол-Сибири, облюбовали здешние места. Крепко живут староверы; отвоевав у тайги землю, засаживают её картофелем и овощами, а имея трактора и небольшие пилорамы, построили себе добротные дома и хозяйственные надстройки. Но времена меняются, той свободы и вольности пора минула, поэтому, выживая, староверы занимаются заготовкой леса, сбором ягод и дикоросов, а также охотой и рыбалкой — как для своих нужд, так и для продажи.

Зимой, в декабре-январе, прорубив во льду майны, ставят верши на налимов, этих речных разбойников, каждый на своём месте, которое передаётся из поколения в поколение, и никто не имеет права на их самовольный захват. Надев на себя добротные волчьи или собачьи тулупы, на «Буранах» с нартами через день или два объезжают по реке свои владения для просмотра верш.

Мужское, хлопотное это дело. Мороз, да ещё с ветерком, а расстояния разные, а надо из проруби плетёную

вершу (морду) достать, да ещё, лёд в майне чтобы не образовался, досками прикрыть и сверху снегом укрыть. Но добыча стоит того.

Самое захватывающее — когда поднимаешь вершу, а там носятся, елозят налимы. Бывает помногу — и десять, и восемнадцать, и более, разные по размеру и по цвету. А после их на мороз, и они застывают. Затем в мешок — и на нарты, при этом закрыв и утеплив снегом майну, дальше едут, к следующей верше; а вода в реке чистая-чистая, гравийное или скалистое дно ясно видно, но темно...

Холодная до оскомины на зубах вода как будто что-то, захлёбываясь говорит и, прожурчав, бежит дальше... Бывает, попадает в вершу, гоняясь за налимом, и гроза всех рыб — выдра; влетев вовнутрь, уже не может выбраться обратно... Раньше её мех очень ценился, сейчас не то.

Но добыча стоит того! Проверив от пяти до десяти верш, возвращаются старoverы домой, а там налимов раскладывают в пушистый снег... в сугробы, где они долго хранятся и не выветриваются. В общем, природа — матушка, а места таёжные — суровые.

Очень часто можно здесь встретить и соболя. На рыбалке иной раз видишь, как он гоняет в прибрежных зарослях рябчиков, а которые похрабрее, могут и к тебе подойти и стащить со льда рыбину, а то и ножны от ножа — и такое бывало... Тут уж не зевай... Тайга, она и накормит, и напоит — это если по-доброму, а иначе и следов не найдёшь... Всякому — всякое... А разговоров у костра вдоволь. Но не каждому старoverы доверяют и идут навстречу... Уж больно суров мир тайги... Ну уж если старoverам подошёл по душе, то, «паря», они всем тебе помогут и привечать будут. Этот народ душой и помыслами чист.

Вспоминаю весеннюю поездку на рыбалку. Мороз не сбавлялся, и хариус не шёл ни на одну приманку. Пробыв два дня на горной речушке, решили возвращаться, но старover по пути, крутнувшись в тайге на «Буране», вывез нас к другому таёжному ручью, где у него, как оказалось, хранился осенний запас рыбы. На берегу реки, в стволе старого кедра, который лежал недалеко от речушки, выдолблена

была ниша, где хранилась пойманная рыба — ленки, хариус, таймешата, присыпанные солью и сверху прикрытые такой же белоствольной лесиной. Хранение было безукоризненное. Взяв с собою сколько можно было взять, закрыли кедровое хранилище и поехали дальше. Чем не благодать? Благодать! Там же у него хранилась мука, в ручье в мешках, в воде, и ей ничего не делалось, и она не портилась. Так без большого можно в тайге пользоваться малым...

А мёд? Всякого мёда мне пришлось по жизни видеть и пробовать, но мёд малиновый у староверов — впервые. Его было мало, и угостили они нас с чаем, но это был мёд из медов, да! Вкус и цвет специфический, а собран он был во время цветения малины на малиновой горе, где у староверов находилось два улья с пчёлами, и до ближайшего поля и луговых цветов — не менее трёхсот километров. В нём, кроме нектара с цветов малины, ничего не было, так этот мёд действительно сверх всяких похвал и будет лечить от простудных заболеваний.

А если вам повезёт и вы окажетесь в этих местах осенью, когда вся природа, похорошев, наряжается, как на девичий хоровод, в праздничные цвета, то поздним вечером, когда мерцающие звёзды можно достать рукой и они покрывают весь небосклон, на скалистом уступе отвесного утёса увидите лесного великана — сохатого, который будет трубить на всю тайгу и звать противника на бой, а восходящая луна, выскочив из-за увала прямо ему на рога, зацепится за них и будет на них качаться, и всё это будет видно на фоне тёмно-синего неба. И вы, затаив дыхание, бросив все свои дела, будете на это смотреть и любоваться...

Поэтому, завершая свой рассказ о красавице Бирюсе, о тех людях, кто живёт на её берегах, могу сказать, что есть места у нас в Сибири, куда хочется возвращаться вновь и вновь, чтобы видеть, восхищаться и быть наедине с этой природой. И никакие юга и заморские страны не заменят и не затмят этого — и тем более красавицу Бирюсу...